

Через некоторое время над Краснодоном начали появляться немецкие самолеты, а потом на головы мирных людей посыпались немецкие бомбы. Налеты все учащались.

Под обвалами умирали дети, горели дома, на смену счастью и благополучию шло великое горе.

В свободную минуту Олег не отходил от репродуктора. Фашизм скинул маску, и его настоящее лицо было омерзительно. У Олега сжимались кулаки. Бездействие угнетало его. От репродуктора он бросался к бумаге и под голос диктора, сообщавшего о зверствах немцев, о пожарах и горе, волнуясь, писал стихи.

Несколько из них сохранилось, остальные пропали.

На милую и горделивую,
На наш родимый мирный край,
На нашу Родину счастливую
Напал фашистский негодяй.

Все, как один, возьмем винтовки,
В бою не дрогнем никогда!
За нашу кровь, за наши слезы
Мы отомстим врагу сполна!

Голосом, полным гнева, тоски и боли, Олег читал мне эти стихи.

Враг приближался к Краснодону. Все тревожнее становилось в городе и на его окраинах. Начали готовиться к эвакуации. Моя сестра Наталья с детьми выехала далеко на восток. С шахт увозили оборудование.

Пока трест «Краснодонуголь» вывозил свое имущество, рабочие и служащие выехали в Верхне-Курмоярскую станцию — строить оборонительные рубежи. Выехал туда и мой брат Николай. Немцы были уже у Ростова.

Дома у нас собирались к отъезду; с минуты на минуту ждали эшелона.